

..Совершалось все так, как всегда во сне,
когда перескакиваешь через
пространство и время и через законы
бытия и рассудка и останавливаешься
лишь на точках, о которых грезит сердце.
Ф.М.Достоевский «Сон
смешного человека»

Слова "сон", "сновидение" попадают в название трех произведений Достоевского ("Дядюшкин сон", "Петербургские сновидения в стихах и прозе", "Сон смешного человека"), но герои многих его романов и повестей видят особенные сны, которые подробно описывает автор. Если представить антологию сновидений мировой литературы, то сны героев Достоевского займут в ней достойное место.

Сновидения принадлежат к интимному опыту человека: каждый их видит, пытается уловить в них определенный смысл. Ускользающая реальность сновидений (или сновидная реальность), которую стремится удержать сознание проснувшегося, в искусстве слова настоящего писателя обретает филигранную воплощенность. Сны героев Достоевского запечатлеваются в памяти читателя не менее сильно, чем явь его романов.

Опыт придумывания сновидений часто соседствует у писателей с опытом рефлексии сновидных состояний человека. Такие рассуждения рассыпаны и по страницам художественных произведений Достоевского. Достоевский как бы подсказывает читателю методику прочтения снов его героев: *"В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенною выпуклостью, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью. Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процесс всего представления бывают при этом до того вероятны и с такими тонкостями, неожиданными, но художественно соответствующими всей полноте картины подробностями, что их и не выдумать наяву этому же самому сновидцу, будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев. Такие сны, болезненные сны, всегда долго помнятся и производят сильное впечатление на расстроенный и уже возбужденный организм человека"* (6, 45-46). *"Иногда видит человек такие художественные сны, такую сложную и реальную действительность, такие события или даже целый мир событий, связанный такою интригой, с такими неожиданными подробностями, начиная с высших ваших проявлений до последней пуговицы на манишке, что, клянусь тебе, Лев Толстой не сочинит, а между тем видят такие сны иной раз вовсе не сочинители, совсем самые заурядные люди..."* (15, 74). Подобные размышления неоднократно варьируются на страницах произведений Достоевского. При этом он часто подчеркивает значимость отдельных снов для человека. Сны Раскольникова "так грустно и так мучительно отзываются в его воспоминаниях" (6, 420). Эти суждения позволяют понять поэтику снов в творчестве писателя. Для Достоевского характерно представить развернутую, фантастически-реальную, связную картину сновидения с опорой на сюжет, детали и подробности. *"Большие сны героев, напоминающие вставные новеллы, отличающиеся повествовательным характером и обилием массовых сцен, движут вперед сюжеты Достоевского и раскрывают внутреннюю драму героев. Эти сны не предсказывают события сюжета, а сами являются событиями, либо тормозя действие, либо стремительно толкая его"*.

"Преступление и наказание" - самый насыщенный сновидениями роман Достоевского. Можно говорить не только о снах-новеллах, но и о цикле снов в контексте романа. Если быть точным, то в тексте "Преступления и наказания" можно выделить цикл снов Раскольникова и цикл-тройчатку - тройной сон Свидригайлова.

Можно выделить несколько подходов к изучению этих снов: 1) место снов в композиции и сюжете романа; 2) соотношенность снов с романной реальностью; 3) соотношенность снов между собой; 4) литературные источники снов; 5) анализ поэтики сновидений; 6) прочтение сновидений и определение их смысловой значимости (символической, психологической).

С учетом этих подходов попытаемся рассмотреть цикл снов Раскольникова. При этом удобно не только нумеровать сновидения, но и, определив вид сна, дать каждому название. Сны неравномерно распределены по тексту романа.

Первый и второй включены в первую часть романа. Это сны, которые Раскольников видит до убийства. Третий и четвертый соответственно включены во вторую и третью части романа. Рассказ о последних снах возникает в Эпilogue.

Первый сон сам герой называет "страшным сном" (6, 46), **"безобразным сном"** (6, 49). Он видит себя ребенком, ему **семь лет** (3 (Божественное совершенство), + 4 (число мирового порядка) = 7 (союз человека с Богом)). Он гуляет с отцом за городом. Душно, серо. На краю города "большой кабак". Странно, что рядом "церковь с зеленым куполом" и кладбище. Хохот, крики, драка. Пьяная толпа усаживается в

телегу, и Миколка бьет лошадь. Наконец, кто-то кричит: "Топором ее, чего! Покончить с ней разом..." (6, 49). Мальчик бросается ее защищать, плачет, "обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует ее, целует ее в глаза, в губы". Раскольников просыпается "весь в поту" и решает отказаться от убийства: "Неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп <...> Я ведь не вытерплю, не вытерплю!" (6, 50). Образы этого сна соотнесены не только с предшествующей сну действительностью, но и с будущим временем жизни героя.

После убийства перед третьим сном повествователь так передаст состояние Раскольникова: "Раздевшись и весь дрожа, как загнанная лошадь, он лег на диван..." (6, 90). "Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!" (6, 322). Прочтение смысла сна требует соотнесенности его со всей романной реальностью. Увязанный с реальностью "страшный сон" Раскольникова содержит в себе образный аналог парадоксальных умозаключений героя. В разных образах этого сна перед нами как бы **четыре роли, которые играет Раскольников в жизни:**

- роль жертвы (кляча),
- роль убийцы (Миколка),
- роль свидетеля страданий (толпа),
- роль борца за униженных (мальчик).

Все эти четыре роли живут и спорят в душе Раскольникова, но роль убийцы временно берет верх. **Второй сон — это сон-грёза**, который привиделся ему накануне преступления. Он видит себя в Египте, в оазисе, пальмы, голубая и холодная вода, "чистый, с золотыми блестками песок". Он пьет воду прямо из ручья, но тут бьют часы, он просыпается и идет убивать. Пейзаж этого сновидения явно противопоставлен душному Петербургу, а холодная вода, голубой и золотой цвета сна позволяют представить, *чего жаждет душа Раскольникова*. К стихотворениям Пушкина и Лермонтова, которые указываются комментаторами как литературные источники этого сна, можно присоединить и Библию как первоисточник образов сновидения. Место действия сна — **Египет, страна**, в которой на долю ветхозаветных **персонажей выпадали всевозможные испытания**. Испытания ожидают и героя романа. Красота образов этого сновидения на мгновение успокаивает Раскольникова. Это **сон-обман**, который посылает судьба душе преступника накануне испытаний. Не только мотив жажды, но и мотив недопитой воды свяжет этот сон-грёзу с последующими событиями романа. В момент признания он, как бы отвергая материальную сущность воды, отводит рукой воду ("Принесли воды. — Это я... — начал было Раскольников. — Выпейте воды. — Раскольников отвел рукой воду..." - (6, 410) и внятно произносит роковые слова).

Третий сон — это бредовый сон, сон-кошмар, который снится Раскольникову на следующий день после убийства. Он помещен во второй главе второй части романа. Это **сон во сне** - он спал и проснулся. Ему мерещится, что на лестнице квартальный надзиратель страшно избивает его квартирную хозяйку. Много свидетелей, разговоры, стоны, жалобы. Потом все затихает. Раскольников испытывает "безграничный ужас", его мучает страх разоблачения. **Это самый жизнеподобный** из всех снов, принадлежащий к виду необъявленных снов. В этом сне в преображенном виде проступают события вчерашнего дня убийства. Страх, испытываемый Раскольниковым в комнате ("он хотел было запереться на крючок, но рука не поднялась..." (6, 91), заставляет вспомнить пережитый ужас после убийства, когда он обнаружил, что дверь была не заперта на крючок, а потом притаился за дверью и слушает, как снаружи стучат, зовут старуху, разговаривают о том, что дверь "не на замке, а на запоре, на крючке то есть" - "значит, кто-нибудь из них дома" (6, 68). Когда он стоял тогда за дверью, ему казалось, что "он точно окостенел, что это точно во сне, когда снится, что догоняют, близко, убить хотят, а сам точно прирос к месту и руками пошевелить нельзя" (6, 66). И в этом сне после убийства Раскольников не может руки поднять и чувствует: "страх, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его" (6, 91). Сон приснился Раскольникову после визита в контору, куда его вызвали по жалобе хозяйки. Сон рожден и агрессией Раскольникова против хозяйки, которая в самый неожиданный момент завела тяжбу о взыскании платы за комнату. В этом сне явно присутствует остаточная злая энергия убийства, нет мотивов раскаяния, но максимально нарастает мотив даже не страха, а "нестерпимого ощущения безграничного ужаса" (6, 91). В этом сне тоже есть деталь, которая соотносит Раскольникова с жертвой: услышав во сне голос поручика Пороха, "он затрепетал как лист" (6, 91), а в сцене убийства Лизавета "задрожала как лист" (6, 65). Но еще ранее, после первого сна, повествователь замечает: "Он дрожал как лист" (6, 50). Страх перед поручиком возродится в финале романа, в момент признания в конторе (услышав "знакомый голос", Раскольников "задрожал" (6, 406). Ощущения жертвы переадресованы убийце, который позже сам попадает в положение жертвы.

В третьем сне Раскольников в отчаянии произносит фразу: "Что это, свет перевернулся, что ли?" (6, 91). Эта фраза роковым образом предопределяет особенности **четвертого сновидения**, события которого

разыгрываются, по справедливим наблюдениям М. М. Бахтина, по законам карнавального действия. *"В сне Раскольникова смеется не только убитая старуха (во сне, правда, ее убить оказывается невозможным), но смеются люди... смеются все слышнее и слышнее. Далее появляется толпа, множество людей и на лестнице и внизу... Перед нами образ развенчивающего всенародного осмеяния на площади карнавального короля-самозванца"*. Помимо "Пиковой дамы", М.М.Бахтин называет и другой источник этого сна — троекратный пророческий сон Самозванца в трагедии А. Пушкина "Борис Годунов". Действие сна Раскольникова происходит поздним вечером. Герой видит "полную луну", которая "светлела все ярче и ярче"; чуть позже он попадает в гостиную: "вся комната была ярко облита лунным светом". "Огромный, круглый, медно-красный месяц глядел прямо в окна" (6, 213). По народным представлениям, видеть полную луну во сне для людей, совершивших преступление, — это плохой знак, и Достоевскому, прошедшему каторгу, вероятно, была известна эта примета. Глядя на месяц в окне, Раскольников думает: "Это от месяца такая тишина, он, верно, теперь загадку загадывает". Кроваво-красный месяц этого сна ритмически перекликается и с "ярким закатом яркого красного солнца" (6, 50), которое Раскольников увидел накануне убийства, проходя через мост. **Четвертый сон — это сон о повторном убийстве старухи. Действие как бы возвращается вспять, но теперь трагедия убийства оборачивается комедией.** Сон становится как бы ответом судьбы на реплику Раскольникова: "О, как я ненавижу теперь старушонку! Кажется, бы другой раз убил, если б очнулась!" (6, 212). Композиционно сон расположен прямо в центре романа. Он помещен в конце третьей части и делит роман на две триады. В полном собрании сочинений роман занимает 422 страницы, а четвертый сон расположен на страницах 212-213. По своей композиционной и сюжетной значимости он соотносим только со сном Татьяны в романе "Евгений Онегин" и с видением Германна в повести "Пиковая дама". **Это сон-катастрофа**, который ставит героя перед выбором: покаяние или безумие и самоубийство. Проведя героя через осмеяние и признание в убийстве, Достоевский заставляет Раскольникова пережить период отчуждения и долгой болезни.

Последнее, пятое сновидение Эпилога существенно отличается от предыдущих. Это не один сон, а сжатый пересказ тех снов, которые снились Раскольникову во время болезни в острожной больнице. Он называет их "бессмысленным бредом", "горячешными грезами" (6, 420). В этих снах нет самого Раскольникова как действующего лица. Это сны о какой-то страшной болезни, пришедшей из глубины Азии в Европу. Ее разносят "микроскопические существа" "трихины", которые обладают умом и волей и вселяются в тела людей. Мир гибнет, но спасаются несколько, которые должны "начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей" (6, 420). Это сон о мировой катастрофе, конце света, сон-апокалипсис и пророческий сон, в котором, как утверждают исследователи, представлено пророчество Достоевского о мировой войне или революции. Одновременно - **это и сон-предупреждение**, после которого Раскольников окончательно разочаровывается в своей теории о праве сильного на убийство пусть даже ради благородной цели.

Через весь сновидный цикл проходят **сквозные образы и мотивы**. В первом сне Миколка **бьет** лошадь по морде и по глазам, в третьем сне помощник надзирателя **бьет** хозяйку ногами и "колотит ее головою о ступени" (6, 91), в четвертом сне Раскольников в бешенстве "изо всей силы **бьет** старуху по голове" (6, 213) и не может убить. Сюжет о единичном убийстве максимально усилен в пятом сне, который представляет сцены коллективного убийства. Люди теряют свой разум и начинают убивать друг друга: "кололись и резались, кусали и ели друг друга" (6, 420).

В снах присутствует **образ толпы**: толпа хохочет (первый сон), кричит (третий сон), смотрит и хихикает (четвертый сон), мучается в "бессмысленной злобе" (пятый сон). Если в трех снах толпа выступает как зритель, свидетель или сборище любопытных, то есть воплощает собой пассивное действие, то в последнем сне она активна. Сновидный цикл имеет кольцевую композицию: подробно описанная многолика праздная массовка первого сновидения становится главным действующим лицом сновидения в Эпилоге.

В четырех снах **чередуются и повторяются мотивы тишины, шума, смеха и страха/ужаса**. Третий сон — самый шумный из всех. В этом он перекликается с первым сном и контрастирует со вторым - бесшумным (только вода "течет и журчит" - (6, 56). В четвертом сне сочетаются мотивы тишины, шепота и нарастающего смеха. **Осмеяние во сне** предвосхищает насмешки над всенародным покаянием Раскольникова на Сенной ("Ишь нахлестался!" - (6, 405). Смех над Раскольниковым в этом сне соотносим с **осмеянием Свидригайлова** пятилетней камелией в его троекратном "кошмаре во всю ночь": "Что-то бесконечно безобразное и оскорбительное было в этом смехе..." (6, 393). Символично, что в романе Свидригайлов появляется как бы из четвертого сна Раскольникова ("странно, сон как будто все еще продолжался"; "неужели это продолжение сна" - (6, 213-214). Все это увязывает цикл сновидений Раскольникова и сны Свидригайлова. И Раскольников, и Свидригайлов стремятся уничтожить смеющуюся

над ними жертву: Раскольников в бешенстве бьет по голове трясущуюся от смеха старуху, а Свидригайлов заносит над девочкой руку, но в ту же минуту просыпается. Мотив страха и отчаяния в первом сне сменяется покоем в сне-грезе, достигает апогея в третьем сне ("страх, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его" - (6, 91). В четвертом сне Раскольников заново переживает ужас убийства и предчувствия наказания ("тишина, даже страшно", "испугался", "помертвел", "сердце стеснилось, ноги не движутся, приросли" - (6, 213). Единичный ужас главного героя трех сновидений сменяется коллективным отчаянием многих людей в сне-апокалипсисе из Эпилога.

Интересно понаблюдать за расширением художественной топографии сновидений Раскольникова. События третьего и четвертого снов происходят в закрытом пространстве, и центральное место в них занимают образы комнаты и лестницы. Действие первого, второго и последнего сновидений происходит в открытом пространстве: на краю города, у кабака; в оазисе; наконец, охватывает весь мир, селения, города и государства.

Сновидный цикл Раскольникова отличает и особый **темпоральный сюжет**: из детского прошлого героя сновидец (а с ним и читатели) движутся через ужасное настоящее в еще более страшное будущее всего человечества. Отдельного внимания заслуживает разговор о литературных источниках сновидений в творчестве Достоевского. "Гениальный читатель", каким он был, по выражению А. Л. Бема, Ф. М. Достоевский часто использует опыт пережитых литературных впечатлений. Сновидения многих его героев опираются на интимный опыт переживания и переосмысления прочитанных литературных текстов. Только в цикле снов Раскольникова в преображенном виде представлена библиотека классики: стихи и проза Н. Некрасова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, П. Катенина, В. Одоевского и Вольтера. Опора на фольклорно-мифологические, библейские и литературные источники является одной из характерных особенностей художественной гипнологии Достоевского. Превращая в сновидения литературные источники, Достоевский как бы иллюстрирует теорию происхождения искусства из мира творческих сновидений, которыми грезит сердце художника. Как говорит Просперо в пьесе "Буря" В.Шекспира:

Из нас самих рождаются сновиденья,
И наша жизнь лишь сном окружена.

"Русская словесность", 2002, № 7

Примечания:

¹ См. пример такого изучения в статье: Полищук Н. "Что таят в себе сны Раскольникова" // Литература. - 2000. - № 6. - С. 14-15. О снах в русской литературе первой трети XIX в. см.: Ходанен Л.А. Мотивы и образы "сна" в поэзии русского романтизма // Русская словесность. - 1997. - № 1, 2.

² Топоров В.Н. Странный Тургенев. - М., 1998. - С. 137-138. Расширенный вариант четвертой главы книги был переиздан. См.: Топоров В.Н. К архетипическому у Тургенева: сны, видения, мечтания // Литературные архетипы и универсалии. - М., 2001. - С. 369-432.

³ Ремизов А. Сны и предсонье. - СПб., - 2000. - С. 277.

⁴ См.: там же.

⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. - Л., 1972-1990. Здесь и в дальнейшем ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страниц в тексте статьи. Первая цифра указывает том, вторая - страницы.

⁶ Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М.Достоевского. - Саратов, 1982. - С. 140.

⁷ Борхес Х.Л. Письмена Бога. - М., 1992. - С. 403.

⁸ Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. - С. 141.

⁹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. - М., 1972. - С. 290.

¹⁰ Катенин П.А. Избранные произведения. - М.; Л., 1965. - С. 84-85.

¹¹ Недзвецкий В.А. От Пушкина к Чехову. - М., 1999. - С. 154-166.

¹² Нечаенко Д.Н. "Сон, заветных исполненный знаков...". Таинства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. - Киев, 1991. - С. 276.

¹³ Ахундова И.Р. "Все это, быть может, было вовсе не сон!" ("смерть" смешного человека) // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 9. - М., 1997. - С. 187.

¹⁴ Бем А.Л. Достоевский - гениальный читатель // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. - М., 2001. - С.35-57.

¹⁵ Цитата дана в переводе Н. М. Сатина. Цит. по статье: Рогов В. Заметки на полях русского Шекспира //